

Административная ответственность за «неуважение» к власти в России: грубые дефекты законодательного нормирования и правоприменения

А. А. Кондрашев

Сибирский федеральный университет,
Российская Федерация, 660041, Красноярск, пр. Свободный, 79

Для цитирования: Кондрашев, Андрей А. 2021. «Административная ответственность за “неуважение” к власти в России: грубые дефекты законодательного нормирования и правоприменения». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 4: 965–983.
<https://doi.org/10.21638/spbu14.2021.410>

В статье анализируется новый состав административного правонарушения, введенный в ст. 20.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях (КоАП РФ) в 2019 г. по инициативе нескольких известных сенаторов и депутатов, получивший в публичном дискурсе наименование «ответственность за неуважение к власти». Автор с использованием практики Верховного Суда РФ и Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) доказывает юридическую несостоятельность введенной меры ответственности как с точки зрения ее несоответствия конституционным принципам, так и с позиции противоречия международным стандартам реализации свободы слова, выработанным ЕСПЧ и обязательным для России. В демократических европейских странах наблюдается тенденция исключения или неприменения уголовной ответственности за оскорбление главы государства, в то же время в недемократических странах налицо противоположный тренд: расширение перечня санкций и их ужесточение в отношении граждан, оскорбляющих высшее должностное лицо соответствующего государства. Автор показывает, что избранные законодателем оценочные формулировки «неприличная форма, оскорбляющая человеческое достоинство и общественную нравственность» и «явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам Российской Федерации, Конституции Российской Федерации или органам, осуществляющим государственную власть» в ходе недолгого судебного применения (несколько месяцев) уже привели к возникновению спорных ситуаций при использовании этой нормы и вынесению не вполне обоснованных судебных актов в отношении российских граждан. Автор предлагает законодателю исключить из КоАП РФ ч. 3–5 ст. 20.1, а также задуматься об исключении из Уголовного кодекса РФ ст. 148, 297, 319, 336 как нарушающих положения ст. 19 и 29 Конституции РФ, устанавливающих избыточные, непропорциональные и дискриминирующие гарантии юридической защиты отдельных категорий российских граждан (госслужащих, работников правоохранительных органов, судей, военнослужащих) в ущерб общеправовому конституционно-му принципу равенства всех перед законом и судом.

Ключевые слова: оскорбление главы государства, мелкое хулиганство, оскорбление государственных символов, свобода слова, неприличная форма, явное неуважение.

1. Введение

Федеральным законом от 18.03.2019 № 28-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»¹ (далее — Закон № 28-ФЗ) была введена новая административная санкция, которая неизбежно ограничивает конституционную свободу слова, гарантированную ст. 29 Конституции РФ. В рамках весенней сессии Государственной Думы РФ ст. 20.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (далее — КоАП РФ) «Мелкое хулиганство» была дополнена сразу тремя частями (ч. 3–5); к мелкому хулиганству как административному правонарушению приравнивали распространение в интернете «информации, выражающей в неприличной форме, которая оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность, явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам Российской Федерации, Конституции Российской Федерации или органам, осуществляющим государственную власть в Российской Федерации». Причем размер административного взыскания за совершение этого «проступка» явно не адекватен его социальной вредности и не коррелирует реальным доходам большей части населения страны: от 30 тыс. до 300 тыс. руб. или административный арест до 15 суток².

Возникает вопрос: существовала ли ранее в нашей стране юридическая ответственность за неуважение или оскорбление власти? Некий весьма отдаленный аналог можно усмотреть в Законе СССР от 14.05.1990 № 1478-1 «О защите чести и достоинства Президента СССР». За публичное оскорбление Президента СССР или клевету в отношении него этот закон предполагал наказание в виде штрафа в размере до 3 тыс. руб. Кроме того, были установлены дополнительные наказания в виде исправительных работ до двух лет или лишения свободы до шести лет. На СМИ, опубликовавшие оскорбления и клевету, могли быть наложены штраф до 25 тыс. руб. или запрет деятельности. В Постановлении Верховного Совета СССР от 21.05.1990 № 1490-1 «О порядке применения и введения в действие Закона СССР “О защите чести и достоинства Президента СССР”» разъяснялось, что «публичным оскорблением Президента СССР является умышленное унижение его чести и достоинства, выраженное в неприличной форме», а «клеветой... распространение заведомо ложных, позорящих его измышлений». Критические выступления в адрес самого президента и его политики под действие закона не попадали, о чем отдельно говорилось в тексте. Также обратим внимание читателей на то, что указанный закон почти не имел практики применения на территории СССР, а с падением Союза прекратил свое юридическое существование.

Авторы нового закона в пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменений в ст. 20.1 КоАП РФ» не обосновали необходимость его

¹ Здесь и далее все ссылки на российские и международные нормативно-правовые акты, судебную практику, если не указано иное, приводятся по СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 1 декабря, 2019. <http://www.consultant.ru>.

² По данным Росстата на июль 2019 г. половина россиян зарабатывали менее 35 тыс. руб. в месяц («Информация о социально-экономическом положении России. Январь-июнь 2019 г.». Федеральная служба государственной статистики. 2019. Дата обращения 20 сентября, 2019. https://www.gks.ru/free_doc/doc_2019/info/oper-06-2019.pdf).

принятия ссылками на законодательные аналоги в зарубежных странах³. Представляется, что такой краткий сравнительно-правовой анализ все же необходим. В ряде европейских стран (Австрии, Германии, Нидерландах, Испании и др.) существует юридическая ответственность за распространение информации, оскорбляющей главу государства — монарха или президента, а также за оскорбление государственных символов (герба, флага и гимна; в российской интерпретации — надругательство над ними)⁴. Чаще всего установлены уголовно-правовые санкции в виде штрафа или тюремного заключения: в Австрии до 5 тыс. евро⁵ (ст. 115, 117 Уголовного кодекса (далее — УК) Австрии), в Германии — заключение от трех месяцев до пяти лет и штрафы⁶ (ст. 90 УК ФРГ), в Нидерландах — штраф или тюремное заключение сроком до пяти лет⁷ (ст. 111, 112, 113 УК Голландии), в Испании — от шести месяцев до двух лет заключения или штраф в размере от 12 до 18 месячных зарплат⁸ (ст. 543 УК Испании).

В европейских странах имеется тенденция к существенному ограничению использования или отмена актов, устанавливающих юридическую ответственность за оскорбление главы государства или высших должностных лиц. Так, в 2000 г. парламент Франции заменил уголовное наказание за оскорбление президента на денежный штраф, а в 2013 г. полностью исключил отдельную статью в специальном законе о свободе печати, предусматривающую наказание за оскорбление президента республики, существовавшую с 1881 г.⁹ В Германии за последние 15 лет только однажды федеральный президент дал согласие на возбуждение уголовного дела за оскорбление (К. Вульф в 2010 г.), но впоследствии прислал в суд уведомление об отзыве согласия на возбуждение дела после извинения со стороны обидчика¹⁰.

В странах бывшего СССР уже давно существует уголовное наказание за оскорбление главы государства¹¹. В Турции за оскорбление главы государства установлена уголовная ответственность с предельным сроком наказания в четыре года ли-

³ «Пояснительная записка к проекту федерального закона “О внесении изменений в ст. 20.1. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях”». Система обеспечения законодательной деятельности. Дата обращения 20 июля, 2019. <https://sozd.duma.gov.ru/bill/606596-7>.

⁴ “Defamation and insult laws in the OSCE region: A comparative study”. OSCE. 2017. Дата обращения 20 мая, 2020. <https://www.osce.org/files/f/documents/b/8/303181.pdf>.

⁵ Gesamte Rechtsvorschrift für Strafgesetzbuch, Fassung vom 05.02.2020. Дата обращения 20 мая, 2020. https://www.legislationline.org/download/id/8548/file/Austria_CC_1974_am122019_de.pdf.

⁶ German Criminal Code. Дата обращения 20 мая, 2020. https://www.legislationline.org/download/id/6115/file/Germany_CC_am2013_en.pdf.

⁷ Criminal Code. Дата обращения 20 мая, 2020. https://www.legislationline.org/download/id/6415/file/Netherlands_CC_am2012_en.pdf.

⁸ Criminal Code. Дата обращения 20 мая, 2020. https://www.legislationline.org/download/id/6443/file/Spain_CC_am2013_en.pdf.

⁹ «Слово и дело: как оскорбляют власть в Европе». RBK. 2019. Дата обращения 30 июля, 2019. <https://www.rbc.ru/opinions/politics/29/04/2019/5cc2bb4b9a7947b5e2c57f5a>.

¹⁰ “Wulff verzichtet auf Prozess um Verleumdung”. Saechsische.de. 2012. Дата обращения 28 2020. <https://www.saechsische.de/wulff-verzichtet-auf-prozess-um-verleumdung-34497.html>.

¹¹ В УК Беларуси есть ст. 368 «Оскорбление президента РБ», которая предусматривает максимальное наказание до трех лет лишения свободы (Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 № 275-З. Дата обращения 20 июня, 2020. <https://уголовный-кодекс.бел>). В УК Казахстана — ст. 373, предусматривающая также срок до трех лет лишения свободы за публичное оскорбление президента (Уголовный кодекс Республики Казахстан. Дата обращения 20 июня, 2020. https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252).

шения свободы¹², в Венесуэле — два с половиной года¹³, в Иране — шесть месяцев или телесные наказания¹⁴. Как мы видим, уголовная ответственность в отношении глав государств существует и применяется большей частью в государствах с недемократическими политическими режимами.

2. Основное исследование

2.1. Аргументы о неконституционности введения административного наказания за «неуважение к власти»

Конституционно-правовая аргументация антиконституционности принятого закона «о неуважении к власти» может строиться на следующих тезисах. Во-первых, Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950, с изм. от 13.05.2004) в ч. 1 ст. 10 закрепляет свободу выражения мнения: «Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Данное право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ». Во-вторых, эта свобода может быть ограничена согласно ч. 2 ст. 10 только «в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

Конституция РФ гарантирует каждому «свободу мысли и слова» (ч. 1 ст. 29), право «свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом» (ч. 4 ст. 29), а также свободу массовой информации и запрет цензуры (ч. 5 ст. 29).

Представляется, что Закон № 28-ФЗ не соответствует положениям Конституции РФ о свободе слова (ст. 29) в части установления ответственности за высказывания в отношении государства, общества или должностных лиц (органов) в отсутствие правомерной цели и явной общественной потребности, вводит нарушающую конституционный принцип равенства граждан перед законом (ст. 19) несоизмеримую тяжести вредных последствий и дискриминирующую простых граждан защиту интересов представителей власти. Более того, Закон № 28-ФЗ принимался в связке с еще одним Федеральным законом от 18.03.2019 № 30-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”», который установил внесудебный порядок блокировки сайтов, разместивших информацию, выражающуюся в неприличной форме, которая оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность, явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам Российской Федерации, Конституции РФ или органам, осуществляющим государ-

¹² Penal Code of Turkey. Дата обращения 25 июня, 2020. https://www.legislationline.org/download/id/6453/file/Turkey_CC_2004_am2016_en.pdf.

¹³ Código Penal de Venezuela. La Comision Legislativa Nacional. Дата обращения 28 августа, 2020. http://www.oas.org/juridico/spanish/mesicic3_ven_anexo6.pdf.

¹⁴ Islamic Penal Code of the Islamic Republic of Iran. Дата обращения 9 июля, 2020. <https://iranhrdc.org/islamic-penal-code-of-the-islamic-republic-of-iran-book-five/#2>.

ственную власть в Российской Федерации, по инициативе Генпрокурора или его заместителей (находящихся в прямой служебной зависимости от главы государства). Принятие второго закона было нацелено именно на установление упрощенного внесудебного порядка блокирования информации, содержащей «оскорбления» в адрес главы государства и чиновников, в интернете, что, на наш взгляд, не соответствует как общеправовому принципу равенства; также под вопросом и наличие явной общественной потребности.

Почему же правовые нормы, устанавливающие административную ответственность за «неуважение к власти», не только антиконституционны, но и юридически несостоятельны и ущербны?

2.1.1. Юридическая неопределенность формулировок объективной стороны состава

Конституционный Суд РФ в целом ряде постановлений¹⁵ указывал, что отсутствие определенности, ясности, недвусмысленности правовой нормы «препятствует ее единообразному пониманию, ослабляет гарантии защиты конституционных прав и свобод, может привести к нарушению принципов равенства и верховенства закона; поэтому самого по себе нарушения требования определенности правовой нормы, влекущего ее произвольное толкование правоприменителем, достаточно для признания такой нормы не соответствующей Конституции РФ». Почему же, с нашей точки зрения, в вышеуказанных нормах закона есть признаки такой неопределенности?

Во-первых, первый когнитивный диссонанс возникает при попытке понять, что же значит термин «неуважение». Ведь потенциально неуважительной может быть признана любая острая критика деятельности чиновников и власти в целом, поскольку критика, как правило, связана с неприятием (неуважением), адресованным к поступкам, деятельности того или иного лица. В подтверждение нашей позиции можно привести и часто используемое литературное значение термина «неуважение», определяемое в словаре русского языка как «непочтительность, отсутствие должного уважения к старшим, пренебрежение» (Ожегов, Шведова 1995, 406). Таким образом, общеупотребительное понятие «уважение» всегда предполагает некий стандарт (совокупность) этических ценностей, нарушение которых влечет неуважение или непочтительность. Именно поэтому то, какие действия будут считаться неуважением, зависит от квалификации таких действий судом в отсутствие внятного и устоявшегося понимания смысла этого термина.

¹⁵ См., в частности: Постановления Конституционного Суда РФ от 06.04.2004 № 7-П «По делу о проверке конституционности положений п. 2 ст. 87 Кодекса торгового мореплавания РФ и Постановления Правительства РФ от 17.07.2001 № 538 “О деятельности негосударственных организаций по лоцманской проводке судов” в связи с жалобой международной общественной организации “Ассоциация морских лоцманов России” и автономной некоммерческой организации “Общество морских лоцманов Санкт-Петербурга», от 20.12.2011 № 29-П «По делу о проверке конституционности положения подп. 3 п. 2 ст. 106 Воздушного кодекса РФ в связи с жалобами закрытого акционерного общества “Авиационная компания “Полет”” и открытых акционерных обществ “Авиакомпания “Сибирь”” и “Авиакомпания “ЮТэйр””, от 02.06.2015 № 12-П «По делу о проверке конституционности ч. 2 ст. 99, ч. 2 ст. 100 Лесного кодекса РФ и положений Постановления Правительства РФ “Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства” в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью “Заполянефть”».

Во-вторых, еще менее понятен термин «неприличная форма». Да, в судебной практике часто под неприличной формой понимают наличие в словах подсудимо-го так называемой обсценной (матерной) лексики либо нецензурной брани. Однако при этом закон не содержит однозначного понимания «неприличной формы» в контексте исключительно матерной лексики. Ведь решение о «неприличности» формы будет приниматься на основе субъективного волеизъявления как полицейским, который возбудит дело, так и судьей, который вынесет решение по административному делу (КоАП РФ в ст. 28.7 не требует от полицейских проведения административного расследования, в том числе назначения лингвистической экспертизы по таким делам).

В-третьих, авторы закона презюмируют, что интернет является таким же общественным местом (пространством), как улица или площадь, поэтому все законы, касающиеся общественных мест, надо обязательно распространить на интернет. Но такой подход авторов закона логически и методологически ошибочен, так как основан на подмене понятий. Современное российское законодательство о наказании за хулиганство исходит из физического существования объекта, называемого «общественным местом» и пребывания в нем граждан. Это можно подтвердить ссылками на целый ряд нормативных актов. Так, в ст. 12 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 01.04.2019) устанавливается обязанность полиции «обеспечивать безопасность граждан и общественный порядок на улицах, площадях, стадионах, в скверах, парках, на транспортных магистралях, вокзалах, в аэропортах, морских и речных портах и других общественных местах». В науке к общественным местам предложено относить «любые места, свободные для разового, периодического либо постоянного доступа и использования неопределенным кругом лиц, в том числе места проведения массовых мероприятий, обслуживания и отдыха людей, при этом не являющиеся объектом частного пользования либо местом пребывания, не разрешенным законодательством для пребывания граждан» (Никаноров, Никаноров 2018, 226).

Именно в таких «общественных местах» граждане присутствуют и действуют непосредственно (физически), что принципиально отличает эти места от виртуального пространства. Сам состав «хулиганства», как административного правонарушения, так и преступления (ст. 213 УК РФ), построен на презумпции физического нахождения людей в реальном пространстве и в конкретных местах со специальными характеристиками. Уместен пример с возможным применением ст. 20.21 КоАП РФ, когда административное наказание установлено за факт появления в общественном месте «в состоянии опьянения, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность». Но ведь применять такое регулирование к интернету, мягко скажем, не вполне обоснованно.

В-четвертых, использованное в диспозиции ст. 20.1 КоАП РФ словосочетание «распространение информации, выражающей в неприличной форме явное неуважение к...» лишь частично соответствует юридическому термину «оскорбление». Причем до настоящего времени считалось, что его невозможно применить к нефизическим лицам (государству или обществу), так как такие субъекты не обладают сознанием. Ведь понятия «государство» и «общество» — это сложные, многоэлементные общественные феномены, и непонятно, каким образом их можно оскорбить. Действительно, при использовании некоторых названий (например, «Рашка»

или «страна рабов») часть населения может почувствовать себя оскорбленной, но допустимо ли считать, что оскорбление нанесено именно таким субъектам, как государство или общество? В науке также отмечается, что еще менее убедительно предложение установить административную ответственность за «оскорбление» юридического документа (Конституции России) и официальных символов (Государственный герб и флаг) (Рыдченко 2019, 412–413). Даже якобы аналогичная по названию ст. 297 УК РФ «Неуважение к суду» устанавливает ответственность за оскорбление не суда как учреждения, а вполне конкретных лиц — участников судебного разбирательства (судьи, прокурора, потерпевшего и т. д.).

2.1.2. Параллельное и чрезмерное правовое регулирование

Административная ответственность за оскорбление, т. е. унижение чести и достоинства, другого лица, выраженное в неприличной форме, уже предусмотрена положениями ст. 5.61 КоАП РФ.

Кроме того, в УК РФ есть ст. 329 «Надругательство над Государственным гербом Российской Федерации или Государственным флагом Российской Федерации». Фактически же основная форма так называемого неуважения к символу — это, как правило, его уничтожение или повреждение (хотя возможны также нанесение надписей и рисунков оскорбительного содержания, использование в оскорбляющем общественную нравственность качестве, срывание с места их расположения и др.), за что в целом правильно предусмотрено наказание по статье «надругательство». Каким образом может пострадать государственный символ, если по отношению к нему выразятся в интернете в неприличной форме, абсолютно неясно. Речь идет не о защите символа (ему реальный урон причинить размещенной информацией невозможно), а лишь о запрете высказывания своего мнения о символе. Другой вопрос, что кого-то может шокировать, например, фотоколлаж или мем с изображением государственного символа и неких отрицательных или негативных образов. Однако, по нашему мнению, такое поведение следует воспринимать как шокирующую, жесткую критику или же глупость, которая не стоит реагирования в виде установления меры административной ответственности, так как речь не о надругательстве над символом, а о его субъективной оценке. А это уже напрямую расходится со смыслом ст. 29 Конституции РФ.

Наконец, ответственность по ст. 20.1 КоАП РФ оказывается строже чем по ст. 319 УК РФ (до 40 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев). Административная санкция предусматривает наказание в размере от 30 тыс. до 300 тыс. руб., т. е. социальная вредность административного проступка с точки зрения авторов закона выше (по крайней мере в рамках размера материальных санкций), чем общественная опасность уголовного преступления.

2.1.3. Использование в законе оценочных терминов, не имеющих адекватного стандарта правоприменения

Понятие «оскорбление» не раскрывается ни в одном из действующих постановлений Пленума Верховного Суда РФ, т. е. не имеет принятых судебными инстанциями стандартов правоприменения.

В ч.3 ст.20.1 КоАП РФ использованы два типа оценочных терминов: «неприличная форма, оскорбляющая человеческое достоинство и общественную нравственность» и «явное неуважение к обществу, государству». Автор настоящей статьи является последовательным противником применения в праве оценочных категорий, так как их использование всегда ведет к правовому произволу, когда именно от судьи зависит, признавать ли возможным применимость этих критериев в конкретном деле.

Так, в науке уголовного права обычно объясняют необходимость использования оценочных терминов «сложностью и многогранностью общественных отношений», причем субъект, который их применяет, осуществляет две функции: он не только сравнивает рассматриваемое явление с некоторым общим понятием, но и формулирует содержание самого общего понятия (Кудрявцев 1972, 135–136). Главная проблема состоит в том, что использование оценочных терминов «в значительной мере определяется правосознанием юриста, применяющего закон, с учетом требований Уголовного кодекса и обстоятельств конкретного дела» (Кудрявцев 1972, 134).

Единственная гарантия от «свободы усмотрения» конкретного судьи — наличие неких стандартов правоприменения, которые формулируются в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, выступающих своего рода официальными разъяснениями для всех нижестоящих судов. Но специалисты по уголовному праву признают, что «оценочные признаки в силу потенциально большого количества вариантов толкования могут повлечь квалификационные ошибки — вызванные заблуждением субъекта правоприменения неправильности в его действиях, заключающиеся в неточном или неполном установлении соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления или иного уголовно-правового деяния» (Колосовский 2006, 28).

Например, с содержанием понятия «оскорбление в неприличной форме» в науке уголовного права не могут определиться уже несколько десятилетий. Собственно термин «оскорбление» используется отечественным законодателем как обязательный признак состава преступления в шести статьях УК РФ (ст. 107, 113, 148, 297, 319 и 336). Однако содержание этого термина легально не раскрывается в уголовном законе. Ранее в ч. 1 ст. 130 УК РФ предусматривалась уголовная ответственность за оскорбление. Под оскорблением понималось унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме. При этом в ч. 2 той же статьи (квалифицированный состав) устанавливалась уголовная ответственность за оскорбление, содержащееся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации.

Определяющее значение при решении вопроса о наличии либо отсутствии состава правонарушения по ч. 3 ст. 20.1 КоАП РФ имеет не личное восприятие деяния потерпевшим как унижающего его честь и достоинства, а то, было ли это деяние выражено в неприличной форме. По смыслу закона неприличной следует считать циничную, глубоко противоречащую нравственным нормам, правилам поведения в обществе форму унижительного обращения с человеком. Установление данного признака является вопросом факта и решается правоприменителем с учетом всех обстоятельств дела: сложившихся в обществе представлений о моральных стандартах межличностного общения (этикет), этнической, профессиональной и иной

характеристики субъекта и потерпевшего, характера их предшествующих и последующих взаимоотношений и т. д. (Бриллиантов 2010, 187).

Г. В. Кусов справедливо замечает: «Какими только эпитетами ученые и практикующие адвокаты ни называли решение проблемы “неприличная форма” в теории уголовного права. Юристы подчеркивают также субъективность и размытость правового дефинирования оскорбления» (Кусов 2013, 44). В нашем случае в ст. 20.1 КоАП РФ произошло придание «неприличной форме» определяющего признака объективной стороны этого проступка, так как, в отличие от ст. 5.61 КоАП РФ, «неуважение к власти» может быть осуществлено только путем размещения письменной информации в этой самой неприличной форме (без действий, жестов, плевков и т. п.).

Понятие «оскорбление» в юридической литературе толкуется обычно в соответствии с определением, ранее данным в ст. 130 УК РФ, как унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме. Унижение чести и достоинства представляет собой отрицательную оценку личности, имеющую обобщающий характер, направленную на ее дискредитацию, подрыв авторитета человека как в глазах окружающих, так и в своих собственных (Александров 2010, 80).

В некогда существовавшем официальном разъяснении понятия оскорбления в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25.09.1979 № 4 «О практике рассмотрения судами жалоб и дел о преступлениях, предусмотренных ст. 112, ч. 1 ст. 130 и ст. 131 УК РСФСР» (ред. от 25.10.1996) оскорбление определялось как «выраженная в неприличной форме отрицательная оценка личности потерпевшего, имеющая обобщенный характер и унижающая его честь и достоинство». Чтобы выявить наличие состава преступления по ст. 130 УК РСФСР, требовалось, чтобы эта отрицательная оценка была выражена в неприличной, т. е. в открыто циничной, противоречащей общечеловеческим требованиям морали, принятой манере общения между людьми форме (Милюков 1999, 13). Отметим, что многие авторы относят к неприличной форме не только так называемые матерные выражения, но и просто грубую, бранную и ругательную лексику (Иванов, Букалерева, Сургай 2009, 171; Амиров, Сидоров, Харисов 2003, 198–199). В частности, неприличную форму оскорбления образует непристойная, вызывающая, циничная оценка личности, выраженная словами или действиями, которая резко противоречит общепринятым нормам общения между людьми, причем при глумлении над человеком используются ругательные, бранные выражения, непристойные жесты, рисунки и т. п. (Булатов, Сидорова 2017, 47).

В доктрине широко распространено мнение, что нецензурные слова априори считаются оскорбительными, а слова литературного языка — применительно к ситуации, если они дают негативную оценку потерпевшего, сравнение его с недостойными лицами или с животными (Мещерякова 2014). Например, используемое судьями понятие «нецензурный» наряду с «неприличными словами» при оценке высказываний виновного в адрес потерпевшего как оскорбления не имеет четких индивидуально-определенных особенностей. «Нецензурное» — это все то, что оценивается общественным сознанием как недопустимое в печати или в публичном произведении в силу своей непристойности. Абсолютно понятно, что словосочетание «неприличная форма» не обладает признаками формальной определенности,

так как под ней может подразумеваться и матерная лексика, и нецензурные слова и непристойные выражения.

Типичной позицией вышней судебной инстанции в России, провоцирующей судебный произвол, является мнение Верховного Суда РФ по делу о неуважении к суду (ст. 297 УК РФ), выраженное в Определении от 08.04.2010 № 65-О10-1, в котором Суд указал, что «наличие унижения чести и достоинства, его степень (глубину) в первую очередь оценивает сам потерпевший, а непристойность формы высказывания оценивается судом».

Понятие «неприличная форма» в формулировке состава оскорбления на сегодняшний день представляется неопределенным и не конкретизирует в нужной степени содержание способа оскорбления. В науке давно предложено законодателю «в максимальной степени формализовать и детализировать данный признак объективной стороны состава оскорбления, прямо указав на обсценную лексику (мат) как одну из его типичных неприличных форм» (Булатов, Сидорова 2017, 48; см. также: Сидорова 2010).

Еще одна оценочная категория — «явное неуважение к обществу и государству». Что же она представляет собой? Легального законодательного определения это понятие также не имеет. Сам термин «неуважение» встречается в четырех статьях УК РФ: ст. 148 «Нарушение права на свободу совести и вероисповедания» («Публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу...»), ст. 213 «Хулиганство» («Хулиганство, то есть грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу...»), ст. 297 «Неуважение к суду» («Неуважение к суду, выразившееся в оскорблении участников судебного разбирательства...»), ст. 354¹ «Реабилитация нацизма» («Распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, а равно осквернение символов воинской славы России»).

Есть лишь разъяснение Верховного Суда РФ, данное им в Постановлении Пленума от 15.11.2007 № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений», согласно которому применительно к хулиганству «явное неуважение лица к обществу выражается в умышленном нарушении общепризнанных норм и правил поведения, продиктованном желанием виновного противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное отношение к ним. Суду надлежит устанавливать, в чем конкретно выразилось грубое нарушение общественного порядка, какие обстоятельства свидетельствовали о явном неуважении виновного к обществу, и указывать их в приговоре».

Как же выглядит определение понятия «явное неуважение к обществу» с точки зрения доктрины уголовного права? Приведем четыре позиции, хотя их, конечно, намного больше. По мнению В. Б. Боровикова, это очевидное, бесспорное пренебрежение общественными интересами, правилами человеческого общежития, нравственными нормами (Боровиков 1999, 38). С точки зрения О. Л. Дубовик, явное неуважение к обществу представляет собой субъективно оцениваемый признак, проявляющийся в выборе действий, заведомо для виновного направленных на демонстрацию открытого пренебрежения к социальным нормам, непосредственно к достоинству личности, связанных с привлечением внимания к собственным

асоциальным действиям, попыткой повысить свой статус за счет унижения статуса окружающих и пр. (Жалинский 2005, 633). С позиции В.И.Гладких, явным неуважением к обществу следует считать открытое, очевидное для всех окружающих пренебрежительное отношение к общепризнанным в обществе нормам и правилам поведения, закрепленным господствующей моралью, традициями, обычаями, привычками, взглядами, воззрениями и т. п. (Новиков 2006, 588).

В одной из недавних публикаций Е. И. Галяшина отмечает, что «понятие информации, выражающей в неприличной форме неуважение, шире речевого действия “оскорбление”». По ее мнению, оно «включает не только высказывания, направленные на унижение другого лица в неприличной форме, с использованием ненормативной лексики (находящейся за пределами норм литературного языка, которая рассматривается обществом как недопустимая в публичном употреблении, в средствах массовой информации), но и нормативные, но коммуникативно некорректные, неучтивые, невежливые, непочтительные формы речевого поведения с целью выражения отрицательного отношения к предмету речи» (Галяшина 2019, 54).

Таким образом, следует констатировать, что понятие «явное неуважение» — субъективный и крайне неясный по содержанию термин, не имеющий общих стандартов применения в уголовном праве.

2.2. Российская судебная практика в 2019 году

Закон «о неуважении к власти» (о введении ч. 3–5 ст. 20.1 КоАП РФ) вступил в силу 01.04.2019. Все судебные решения приняты впервые, поэтому «рецидивистов» пока нет и такое наказание, как арест, также никому не было назначено. Во всех известных случаях наказание составило минимально возможную сумму — 30 тыс. руб. (за одним исключением), административного расследования (ст. 27.8 КоАП РФ) не проводилось, протоколы составлялись, как правило, участковыми либо сотрудниками отделов по противодействию экстремизму во время самостоятельного изучения соцсетей либо по заявлениям «активных» граждан. В некоторых случаях привлекались «специалисты» экспертно-криминалистического центра (далее — ЭКЦ) МВД, которые проводили «исследования» текстов, размещенных в сети.

За что же привлекают к административной ответственности по данной статье КоАП РФ?

Впервые привлеченным в России к ответственности по ч. 3 ст. 20.1 КоАП РФ стал Ю. Картыжев из Новгородской области, который разместил в социальной сети «ВКонтакте» «комментарий под видео и далее по тексту судебного акта: “Путин сказочный”, а далее матерное слово... и графическое изображение президента РФ Путина В.В.». Основанием для размещения этой фразы была его эмоциональная реакция на выделение безвозмездной помощи Киргизии, и в результате он получил штраф в 30 тыс. руб.¹⁶

Красноборский районный суд Архангельской области наказал штрафом в 15 тыс. руб. Г. Миняева, жителя поселка Авнюга, за неуважение к власти, так как

¹⁶ Постановление Чудовского районного суда Новгородской области от 22.04.2019 по делу № 5-95/2019. Дата обращения 28 августа, 2020. https://chudovsky-nvg.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=20939518&delo_id=1500001&new=0&text_number=1.

под роликом, где президент В. В. Путин едет по Крымскому мосту за рулем грузовика, он оставил комментарий, в котором фигурировало слово «дебилоид». Как потом пояснил Г. Миняев, его возмутило, что Путин ехал не пристегнутый ремнем в нарушение правил ПДД (штраф был снижен судом по причине тяжелого материального положения Г. Миняева)¹⁷.

В Ярославле местный житель Кирилл Попутников получил аналогичный штраф за размещение в сети фото надписи оскорбительного содержания в адрес Президента РФ на здании областного управления МВД, причем используемое слово формально не относится к обсценной (матерной) лексике. Суд также специально отметил, что «по смыслу закона неприличной следует считать циничную, глубоко противоречащую нравственным нормам, правилам поведения в обществе форму унижительного обращения с человеком. При этом установление данного признака является вопросом факта и решается правоприменителем с учетом всех обстоятельств дела»¹⁸.

В Вологодской области наказанию был подвергнут Ю. Шадрин, сделавший в соцсети «ВКонтакте» уточнение высказывания Ю. Картыжева в отношении В. Путина, выраженное в неприличной форме, оскорбляющей человеческое достоинство и общественную нравственность («не сказочный, а реальный»). В справке специалиста из ЭКЦ МВД указано: «Негативная характеристика лица, называемого “Путин”, образована с помощью, грубо нарушающей коммуникативные нормы общения, табуированной, обсценной лексики (в соответствии с определением термина “обсценнизм” — непристойное выражение, бранное слово, ругательство)»¹⁹.

Почти во всех этих случаях (как и в других делах) основанием для использования «неуважительных» по отношению к главе государства высказываний послужили его действия, поведение и политические решения, которые крайне негативно оценивались обычными гражданами. Более того, во всех указанных случаях высказываний граждан фигурирует только фамилия «Путин» (за исключением видео В. В. Путина за рулем грузовика), без привязки к государственной должности и его полномочиям как президента. Во всех этих делах необходимо учитывать контекст высказывания, в большинстве случаев являющийся именно политическим, так как граждане используют неприличную лексику в качестве реакции на политические действия главы государства.

Намного сложнее обстоит практика применения этой нормы применительно к случаям, когда объектом «неуважения» выступает общество (хотя такие случаи пока единичны). Так, 18.05.2019 в Брянске для выпускников школ прошел концерт с участием профессиональных исполнителей современных песен на смотровой площадке «Кургана Бессмертия»; 29.05.2019 Алена Червякова была оштрафована на

¹⁷ Постановление Красноборского районного суда Архангельской области от 18.06.2019 по делу № 5-48/2019. Дата обращения 28 августа, 2020. https://krasnsud--arh.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=16596910&delo_id=1500001&new=&text_number=1.

¹⁸ Постановление Кировского районного суда г. Ярославля от 14.05.2019 по делу № 5-67/2019. Дата обращения 28 августа, 2020. https://kirovsky--jrs.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=2&name_op=doc&number=4324187&delo_id=1500001&new=&text_number=1.

¹⁹ Постановление Верховажского районного суда Вологодской области от 05.02.2019 по делу № 5-5/2020. Дата обращения 28 августа, 2020. https://verhovazhsky--vld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=55073035&delo_id=1500001&new=&text_number=1.

30 тыс. руб. за размещение в социальной сети Instagram видеозаписи своего танца на той же площадке (на записи памятник не виден). Суд решил, что танец «выражен в неприличной форме, оскорбляющей человеческое достоинство и общественную нравственность, и образует явное неуважение к обществу, при этом памятник “Курган Бессмертия” является объектом культурного наследия регионального значения»²⁰. Суд уклонился от указания, в чем именно выражалась неприличная форма танца, а также какими принципами оценки при этом можно было бы руководствоваться.

Частичное несоответствие правоприменительной практики привлечения к административной ответственности по ст. 20.1 КоАП РФ, как и наличие неопределенных формулировок, постфактум признала и администрация Президента РФ. МВД РФ по поручению администрации президента разослало региональным управлениям МВД рекомендации — «Порядок действий по документированию административных правонарушений по ч. 3–5 ст. 20.1 КоАП»²¹, в которых разъяснило региональным подразделениям полиции практику применения закона о «неуважении к власти». Логика юристов МВД проста: раз государственную власть осуществляют Президент, Федеральное Собрание, Правительство и суды, то по данной статье нельзя привлекать за оскорбление мэров, губернаторов или сотрудников полиции (хотя это не совсем так, ведь с точки зрения Конституции РФ государственная власть разделена между Федерацией и ее субъектами и те же губернаторы ее осуществляют). Фактически МВД ограничило сотрудников отслеживанием оскорблений государственных символов, Президента, Госдумы, Совета Федерации, правительства и судов. Высказывания же в адрес лично Владимира Путина тоже не подпадают под действие закона: из текста нормы вытекает запрет оскорблять Президента как институт, а не конкретное лицо. Кроме того, такие сообщения «должны быть написаны в грубой форме с использованием нецензурной лексики, изображений непристойного характера» и должно быть установлено, что опубликовавший эту информацию «противопоставляет себя окружающим, демонстрирует надменность, цинизм и унижительное отношение к обществу, государству и госсимволам». Чтобы полицейским проще было квалифицировать подобные правонарушения, им рекомендовано привлекать экспертов и прокуратуру. В качестве примера можно привести случай с привлечением к ответственности С. Бакшеевой. Так, 17.06.2019 Котласский районный суд признал продавщицу из Котласа Светлану Бакшееву виновной и назначил штраф размере 30 тыс. руб. за размещение в паблике «ВКонтакте» нецензурного отзыва на известные слова губернатора Архангельской области Игоря Орлова о «шелупони»²² (впоследствии уже в 2020 г. Верховный Суд РФ прекратил производство по данному делу и все ранее вынесенные судебные акты были отменены²³).

²⁰ Постановление Советского районного суда г. Брянска от 29.05.2019 по делу № 5-327(2019). Дата обращения 20 августа, 2020. https://sovetsky-brj.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=75522740&delo_id=1500001&new=&text_number=1.

²¹ Документ не был официально опубликован.

²² Постановление Котласского городского суда Архангельской области от 17.06.2019 по делу № 5-168/19. Дата обращения 28 августа, 2020. https://kotlasgrsud-arh.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=86534968&delo_id=1500001&new=&text_number=1.

²³ Постановление Верховного Суда РФ от 13.08.2020 № 1-АД20-1.

2.3. Позиции Верховного Суда РФ и Европейского суда по правам человека относительно пределов критики должностных лиц, в том числе глав государств

В начале статьи мы уже касались санкций, существующих в Европе относительно оскорблений глав государств, и тенденций, связанных с применением этих санкций. Теперь кратко проанализируем позиции высшей российской судебной инстанции по гражданским, административным и уголовным делам — Верховного Суда РФ и позиции Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ), которые неоднократно обращались к вопросу о критике в адрес государственных деятелей, отмечая правомерность такой критики.

Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» суд, в частности, указал: «Государственные должностные лица могут быть подвергнуты критике в СМИ в отношении того, как они исполняют свои обязанности, поскольку это необходимо для обеспечения гласного и ответственного исполнения ими своих полномочий».

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» суд особо подчеркнул: «Государственные должностные лица могут быть подвергнуты критике в средствах массовой информации в отношении того, как они исполняют свои обязанности, поскольку это необходимо для обеспечения гласного и ответственного исполнения ими своих полномочий. Критика в средствах массовой информации должностных лиц (профессиональных политиков), их действий и убеждений сама по себе не должна рассматриваться во всех случаях как действие, направленное на унижение достоинства человека или группы лиц, поскольку в отношении указанных лиц пределы допустимой критики шире, чем в отношении частных лиц».

Наконец, в п. 8 Обзора практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.03.2016) специально отмечено, что пределы допустимой критики шире в отношении правительства, чем простого лица или даже политика. При демократическом режиме действия и бездействие правительства должны быть помещены под внимательный контроль со стороны не только законодательной и судебной власти, но и общественного мнения.

При анализе постановлений ЕСПЧ тоже выстраивается четкая логика невозможности привлечения к ответственности за оскорбительные, грубые и унижающие высказывания в отношении государственных чиновников различных рангов, при соблюдении определенных условий.

Так, из Постановления ЕСПЧ от 14.10.2008 по делу «Дюндин (Dyundin) против Российской Федерации» (жалоба № 37406/03) прямо следует, что государственные служащие, находящиеся при исполнении обязанностей, подобно политикам, попадают под более широкие пределы допустимой критики, чем частные лица.

Постоянно развивая и уточняя свои правовые позиции, ЕСПЧ прямо указывает, что границы допустимой критики по отношению к правительству еще шире, чем по отношению к частному лицу или даже политическому деятелю, как это сде-

лано в Постановлении от 03.10.2017 по делу «Новая газета» и Милашина (Novaya Gazeta and Milashina) против Российской Федерации» (жалоба № 5349/02).

Более того, принимая во внимание, что ЕСПЧ в Постановлении от 07.12.1976 по делу «Хандисайд (Handyside) против Соединенного Королевства» (жалоба № 5493/72) специально утвердил важнейшее толкование пределов свободы выражения мнения (а именно что последняя является одной из важнейших основ демократии и одним из основных условий его прогресса и самореализации каждого человека), положения ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод применимы не только к «информации» или «идеям», которые воспринимаются положительно, расцениваются как безобидные или не заслуживающие внимания, но и даже к тем, которые оскорбляют, шокируют или возмущают.

Если же погружаться еще глубже в логику решений, принятых ЕСПЧ за последние несколько десятков лет, то его позиция применительно именно к оскорбительным высказываниям в отношении глав государств (которая и привела в дальнейшем к корректировке законодательства сразу нескольких стран Европы) наиболее выпукло выражена в двух Постановлениях: по делу «Коломбани и другие против Франции» от 25.06.2002 (жалоба № 51279/99) и по делу «Эон против Франции» от 14.03.2013 (жалоба № 26118/10).

По первому делу были привлечены к ответственности (выплате денежных штрафов) по специальному закону об оскорблении глав иностранных государств журналисты французской газеты «Ле Монд». Они цитировали текст доклада, подготовленного неправительственной организацией по заказу Комиссии европейского сообщества в отношении короля Марокко Хасана II и его ближайшего окружения, и обвиняли двор в организации производства наркотиков и обеспечении их транзита в Европу. ЕСПЧ отметил, что этот закон, в сущности, предоставляет главам государств особый статус, что выходит за рамки обычных правовых норм и ограждает их от критики исключительно на основании их функций или положения, без учета интересов, которым служит данная критика. Особая защита, предусмотренная законом для глав иностранных государств, предоставляет им чрезмерную привилегию, что противоречит ныне действующей политической практике и современным представлениям и не соответствует каким-либо «высшим потребностям общества». После решения ЕСПЧ французский закон был отменен в полном объеме.

В деле «Эон против Франции» ЕСПЧ должен был оценить, находится ли под защитой ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод фраза «Исчезни, придурок!», воспроизведенная на баннере, с которым заявитель Эон появился во время визита президента Саркози в г. Лаваль. Слова на баннере дословно воспроизводили слова самого Саркози, оброненные им в адрес одного назойливого журналиста, пытавшегося задать ему вопрос на сельскохозяйственной ярмарке. Фермер Эон был привлечен к ответственности в виде штрафа в 30 евро за оскорбление президента по Акту о свободе прессы 1881 г. Суд не согласился с таким подходом и нашел нарушение права на свободу выражения. Свое решение он обосновал тем, что заявитель был политическим активистом и использовал фразу в политическом контексте. Хотя фраза и была оскорбительной, она носила характер политической критики главы государства, а не была атакой на его личное достоинство или вторжением в частную жизнь. Суд напомнил, что в соответствии с Конвенцией

о защите прав человека и основных свобод у политической речи и политических дебатах практически нет ограничений, а пределы критики в отношении политиков существенно шире, чем при критике обычных лиц, потому что политики, выбирая карьеру, сознательно подставляют себя под контроль со стороны общества и СМИ. Суть позиции ЕСПЧ, как он сам подчеркнул в постановлении, состоит в том, что у главы государства не может быть никакой особенной или специфической защиты по сравнению с другими лицами в том, что касается права на свободу выражения или распространения информации.

Судебная практика привлечения к ответственности по ч. 3 ст. 20.1 КоАП РФ недвусмысленно доказывает, что суды и эксперты осознанно уклоняются от исследования политического контекста высказываний, а основанием назначения административного наказания является только наличие неприличной формы самого высказывания, что не в полной мере соответствует правовым позициям ЕСПЧ. Более того, наличие в российской правовой системе особого закона о защите главы государства также не вполне соответствует сложившейся практике ЕСПЧ.

3. Выводы

Представляется, что с точки зрения конституционных принципов справедливости, равенства всех перед законом и судом, равенства независимо от должностного положения не существует объективных оснований для введения единого правового регулирования, когда в рамках ст. 20.1 КоАП РФ защищаются памятные даты и символы государственного значения, которые имеют явную и соизмеряемую ценность для страны, и «органы государственной власти», деятельность которых в значительной мере имеет субъективное проявление (например, в заявлениях и действиях конкретных лиц, нередко циничных, морально осуждаемых, нарушающих законы и т. п.) и поэтому подлежит общественной оценке, даже совершаемой в жесткой критической форме.

При желании вполне возможно подвести под наказание по ст. 20.1 КоАП РФ критиков власти, которые используют для своего отношения к власти жесткие, явно неуважительные словосочетания (но цензурные выражения), такие как «идиотский закон», «дурная реформа», «бешеный принтер».

Поэтому, на наш взгляд, следует исключить из КоАП РФ указанную норму, как не отвечающую требованиям правовой определенности, равенства всех перед законом и судом, и юридической состоятельности соответствующих формулировок. Также следует задуматься о необходимости сохранения в УК РФ ст. 148, 297, 319 и 336, устанавливающих ответственность за оскорбление отдельных категорий служащих органов государственной власти (судей, работников аппарата судов, госслужащих, военнослужащих) или такой категории граждан, как верующие. Подобные положения противоречат ст. 19 Конституции РФ и дискриминируют большинство граждан России, ведь они не могут пользоваться такой правовой защитой, которую имеют лишь представители указанных групп. По нашему мнению, конституционным принципам пропорциональности и соразмерности соответствует наличие одинаковых инструментов административной, гражданско-правовой и уголовно-правовой защиты всех граждан РФ независимо от их социально-профессионального статуса: ст. 5.61 КоАП РФ («Оскорбление»), ст. 128¹ УК РФ («Клевета»)

и ст. 152 Гражданского кодекса РФ («Защита чести, достоинства и деловой репутации»). Эти нормы трех кодексов позволяют защитить свое достоинство каждому российскому гражданину, включая главу государства и любого чиновника.

Библиография

- Александров, Андрей Н. 2010. «Взгляд на проблему. Уголовная ответственность за неуважение к суду». *Законы России: опыт, анализ, практика* 3: 78–82.
- Амиров, Кафилъ Ф., Борис В. Сидоров, Константин Н. Харисов. 2003. *Ответственность за преступное вмешательство в деятельность лиц, осуществляющих правосудие и уголовное преследование: проблемы теории и законотворчества*. Казань: Мастер Лайн.
- Боровиков, Валерий Б. 1999. *Преступления против общественной безопасности*. М.: ЦИиНМОКП МВД России.
- Бриллиантов, Александр В. 2010. *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный)*. М.: Проспект.
- Булатов, Борис Б., Ирина В. Сидорова. 2017. «Об объективной стороне оскорбления». *Административное право и процесс* 11: 43–48.
- Галяшина, Елена И. 2019. «Феномен «неуважения к власти» в аспекте судебной лингвистической экспертизы по делам об информационных правонарушениях». *Вестник университета им. О. Е. Кутафина* 5: 45–55.
- Жалинский, Альфред Э., ред. 2005. *Учебно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации*. М.: Эксмо.
- Иванов, Никита Г., Людмила А. Букалорова, Сергей А Сургай. 2009. *Компаративный аспект уголовной ответственности за оскорбление судьи и клевету в отношении судьи*. М.: Юрлитинформ.
- Колосовский, Валерий В. 2006. *Квалификационные ошибки*. СПб.: Юридический центр Пресс.
- Кудрявцев, Владимир Н. 1972. *Общая теория квалификации преступлений*. М.: Юридическая литература.
- Кусов, Геннадий В. 2013. «Судебная лингвистическая экспертиза “оскорбления”: решение проблемы “неприличная форма”». *Российский судья* 5: 43–48.
- Мещерякова, Татьяна Р. 2014. «Административная ответственность за оскорбление». *Административное право и процесс* 2: 46–49.
- Милуков, Сергей Ф. 1999. *Преступления против правосудия*. СПб.: Юридический институт Генеральной прокуратуры РФ.
- Никаноров, Евгений А., Александр А. Никаноров. 2018. «Понятие общественного места в российском законодательстве». *Вестник экономической безопасности* 2: 222–227.
- Новиков, Алексей П., ред. 2006. *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: расширенный уголовно-правовой анализ с материалами судебно-следственной практики*. М.: Экзамен.
- Ожегов, Сергей И., Наталия Ю. Шведова. 1995. *Толковый словарь русского языка*. 2-е изд., испр. и доп. М.: АЗЪ.
- Рыдченко, Кирилл Д. 2019. «Административно наказуемая диффамация органов государственной власти». *Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: сборник статей по материалам X юбилейной международной научно-практической конференции (Сорокинские чтения)*, 411–415. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Сидорова, Ирина В. 2010. «Уголовно-правовая характеристика оскорбления». Дис. ... канд. юрид. наук, Тюменский юридический институт МВД РФ.

Статья поступила в редакцию 27 декабря 2019 г.;
рекомендована в печать 2 сентября 2021 г.

Контактная информация:

Кондрашев Андрей Александрович — д-р юрид. наук, проф.; legis75@mail.ru

Administrative liability for “disrespect” to the authorities in Russia: Gross defects in legislative regulation and enforcement

A. A. Kondrashev

Siberian Federal University,
79, Svobodniy pr., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation

For citation: Kondrashev, Andrey A. 2021. “Administrative liability for ‘disrespect’ to the authorities in Russia: Gross defects in legislative regulation and enforcement”. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 4: 965–983. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2021.410> (In Russian)

The article analyzes the new composition of an administrative offense introduced in Art. 20.1 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation in 2019 on the initiative of several well-known senators and deputies, which received the name in public discourse — “liability for disrespect to the authorities”. The author, using the practice of the Supreme Court of the Russian Federation and the ECHR, proves the legal inconsistency of the introduced measure of liability, both from the point of view of its inconsistency with constitutional principles, and from the standpoint of contradiction with international standards for the implementation of freedom of speech, developed by the ECHR and binding on Russia. Moreover, the article notes that in democratic European countries there is a tendency to exclude or not apply criminal liability for insulting the head of state, at the same time in non-democratic countries there is an opposite trend: the expansion of the list of sanctions and their tightening in relation to citizens insulting the highest official of the respective state. The article analyzes that the evaluative formulations chosen by the legislator: “an indecent form that offends human dignity and public morality” and “a clear disrespect for society, the state, official state symbols of the Russian Federation, the Constitution of the Russian Federation or bodies exercising state power”, during a short judicial application (several months), have already led to the emergence of controversial situations in the application of this norm and the issuance of not entirely substantiated judicial acts against Russian citizens. The author proposed to the legislator to exclude from the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation parts 3–5 of Art. 20.1 and also consider the exclusion of Art. 148, 297, 319, 336 of the Criminal Code of the Russian Federation since they violate the provisions of Articles 19 and 29 of the Constitution of the Russian Federation. These two articles of the Constitutions establish excessive, disproportionate and discriminatory guarantees for the legal protection of certain categories of Russian citizens (civil servants, law enforcement officials, judges, military personnel), to the detriment of the general legal constitutional principle of equality of all before the law and court.

Keywords: insulting the head of state, petty hooliganism, insulting state symbols, freedom of speech, indecent form, obvious disrespect.

References

- Aleksandrov, Andrei N. 2010. “A look at the problem. Criminal liability for contempt of court”. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* 3: 78–82. (In Russian)
- Amirov, Kafil' F., Boris V. Sidorov, Konstantin N. Kharisov. 2003. *Responsibility for criminal interference in the activities of persons exercising justice and criminal prosecution: problems of theory and lawmaking*. Kazan, Master Lain Publ. (In Russian)
- Borovikov, Valerii B. 1999. *Crimes against public safety*. Moscow, TsliNMOKP MVD Rossii Publ. (In Russian)
- Brilliantov, Aleksandr V. 2010. *Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (article-by-article)*. Moscow, Prospekt Publ. (In Russian)
- Bulatov, Boris B., Irina V. Sidorova. 2017. “On the objective side of insult”. *Administrativnoe pravo i protsess* 11: 43–48. (In Russian)

- Galiashina, Elena I. 2019. "The phenomenon of 'disrespect for the authorities' in the aspect of forensic linguistic expertise in cases of information offenses". *Vestnik universiteta im. O. E. Kutafina* 5: 45–55. (In Russian)
- Ivanov, Nikita G., Liudmila A. Bukalerova, Sergei A Surgai. 2009. *Comparative aspect of criminal liability for insulting a judge and defaming a judge*. Moscow, Iurlitinform Publ. (In Russian)
- Kolosovskii, Valerii V. 2006. *Qualification errors*. St. Petersburg, Iuridicheskii tsentr Press Publ. (In Russian)
- Kudriavtsev, Vladimir N. 1972. *The general theory of the qualification of crimes*. Moscow, Iuridicheskaiia literatura Publ. (In Russian)
- Kusov, Gennadii V. 2013. "Forensic linguistic examination of 'insults': the solution to the problem of 'indecent form'". *Rossiiskii sud'ia* 5: 43–48. (In Russian)
- Meshcheriakova, Tat'iana R. 2014. "Administrative responsibility for insults". *Administrativnoe pravo i protsess* 2: 46–49. (In Russian)
- Miliukov, Sergei. F. 1999. *Crimes against justice*. St. Petersburg, Iuridicheskii institut General'noi prokuratury RF Publ. (In Russian)
- Nikanorov, Evgenii A., Aleksandr A. Nikanorov. 2018. "The concept of a public place in Russian legislation". *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti* 2: 222–227. (In Russian)
- Novikov, Aleksei P. 2006. *Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation: an extended criminal law analysis with materials of judicial and investigative practice*. Moscow, Ekzamen Publ. (In Russian)
- Ozhegov, Sergei I., Nataliia Iu. Shvedova. 1995. *Russian Language Dictionary*. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow, AZ" Publ. (In Russian)
- Rydchenko, Kirill D. 2019. "Administratively punishable defamation of public authorities". *Aktual'nye problemy administrativnogo i administrativno-protsessual'nogo prava. Sbornik statei po materialam X iubileinoi mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Sorokinskie chteniia)*, 411–415. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskii universitet MVD Rossii Publ. (In Russian)
- Sidorova, Irina V. 2010. "Criminal-legal characteristics of the insult". PhD Diss., Tiimenskii iuridicheskii institut MVD RF. (In Russian)
- Zhalinskii, Al'fred E., ed. 2005. *Training and practical commentary on the Criminal Code of the Russian Federation*. Moscow: Eksmo Publ. (In Russian)

Received: December 27, 2019

Accepted: September 2, 2021

Author's information:

Andrey A. Kondrashev — Dr. Sci. in Law, Professor; legis75@mail.ru